

Духовные наставники Таганрога: Щербина, Кукольник, Чехов

Е.А. Шапочка

Двести лет Таганрог носит в себе три литературных таланта: Николая Щербины, Нестора Кукольника и Антона Чехова. Щербина и Чехов с разницею в сорок лет учились в Таганрогской гимназии и оба уехали из Таганрога, чтобы поступить в Московский университет; оба в годы первой молодости терпели нужду и оба вскоре обрели окружение, достойное их будущей литературной славы.

По стечению обстоятельств или по горькой улыбке судьбы в греческом Иерусалимском монастыре в декабре 1825 года отпевали Александра I, а спустя годы - его крестного сына Нестора Кукольника, известного на всю Россию верноподданнической драмой «Рука Всевышнего Отечество спасла», заставившей говорить об ее авторе весь Петербург. Отпевал Кукольника протоиерей о. Покровский, а певческим хором руководил Павел Егорович Чехов, отец присутствовавшего здесь на отпевании сосредоточенного гимназистика в синем уставном мундире Антоши Чехова.

Это кажется невероятным, но и Николай Щербина, и Нестор Кукольник были знакомы не только между собой, но и с семьей Чеховых. Если верить донскому историку М.Б. Краснянскому, в годы Крымской войны (1853-1856) ростовский купец Андрей Байков, чиновник военного министерства Нестор Кукольник и начинающий таганрогский купец Павел Чехов поставляли в действующую армию консервы, создав совместную коммерческое предприятие. Известно, что с конца 1847 года Н.В. Кукольник по заданию военного министерства был в южных губерниях экспертом по снабжению армии продовольствием и фуражом.

Чувство дружбы не связывало Кукольника и Щербину - слишком разные они были, да и обстоятельства не сопутствовали этому. П.П. Филевский в исторической повести «На берегах Тамаринды» вспоминает о разговоре между Нестором Васильевичем и неким Дросси: «Я слышал <...>, что наш поэт тяжело болен. - Возможно - заметил Кукольник, - но я с ним не переписываюсь. Он меня не любит и, воспользовавшись моими словами, что я теперь эксп-писатель, экс-чиновник, по моему адресу сочинил такую эпиграмму:

Хоть теперь ты ех-писатель,
Ех-чиновник, ех-делец
И казны ех-собиратель –
Всё же ты не ех-подлец!

По словам П. П. Филевского, Нестор Кукольник, к чести своей, о даровании Щербины отзывался так: «...поэт цельный, натуральный; у него все из глубины его собственного я, а это хорошо даже у посредственности, а при даровании это истинная поэзия».

При жизни таганрогское общество высоко ценило личность и творчество Н. Щербины, даже таганрогские гимназисты «интересовались им как поэтом». Запомнилось его пребывание в городе во время бомбардировок в Крымскую войну. Когда многие уезжали из Таганрога, Николай Федорович приехал и был, как человек надежный и с достоинством, включен в число парламентёров наряду бароном Франком.

Николай Федорович Щербина в свои таганрогские приезды бывал в семье Чеховых и запомнился старшему сыну Александру южанином с положительным направлением, который прославился, «помимо своих стихотворений, также и сборником "Пчела", бывшим в свое время в большом ходу среди читающей публики».

После Крымской войны «южная» миссия Н.В. Кукольника не закончилась, он не возвратился в Петербург, с которым его связывали счастливые годы детства, бурного творчества, признания, время душевных друзей - Глинки, Брюллова, Айвазовского. Кукольник облюбывал, как и его крестный отец Александр I, Таганрог: купил часть дома, завёл дачу с са-

дом, занялся общественными вопросами, используя свои обширные столичные связи и высокое происхождение.

Фамилия Кукольников владела имением, которое подарил крестный отец маленького Нестора император Александр I. Он роился в семье профессора петербургского педагогического института, того самого института, из стен которого вышли учителя Чехова - директор таганрогской гимназии Э.Р. Рейтлингер и благородный инспектор А.Ф. Дьяконов.

Учился Нестор в известном неженском лицее (гимназии) высших наук князя Безбородко, основанном его отцом Василием Григорьевичем. Он был первым лицеистом и блистал разносторонними талантами: играл на фортепиано, гитаре, прекрасно знал историю, успешно изучал языки - немецкий, французский, польский, итальянский, а также древнегреческий и латинский. В лицеистские годы его первым соперником был Николай Гоголь: соревновались они в поэзии и на театральных подмостках лицея. «Возвышенный» (так Нестора прозвал Гоголь) редактировал рукописный журнал «Звезда» и в «Недоросле» играл Митрофана, тогда как Николай Гоголь исполнял роль Простакова. Юношеские увлечения Кукольника пройдут через всю его жизнь. Любовь его действительна - он и в Таганроге приложит немало сил для того, чтобы город получил специально выстроенное здание театра, и даже смертный час застал его в тот момент, когда 8 декабря он собирался в театр на спектакль...

Литературный дебют Кукольника вполне можно назвать театральным, поскольку его стихотворная драма «Рука Всевышнего Отечество спасла» была поставлена на сцене Александринского театра, и артистам, и двадцатипятилетнему автору рукоплескал сам император Николай I. В те годы петербургская литературная слава целиком принадлежала А.С. Пушкину, и Н.В. Кукольник постоянно был недоволен, что ему не открывают двери поэт и его окружение. Тогда он создаёт свой литературный салон, главными завсегдатаями которого вскоре стали Карл Брюллов, несший славу первого русского художника и Михаил Глинка, сместивший своим творчеством итальянскую оперу.

В мемуарах П.М. Ковалевского находим тонкое замечание по этому поводу: «Было время, когда в понятии русского общества поэзия, живопись и музыка воплощались в тройственном созвездии Кукольника, Брюллова и Глинки. То было братство творцов, соперничавшее в превосходстве и помогавшее друг другу его достигнуть». Нестор Васильевич так высоко ценил «братство творцов», что мог рассчитывать на памятник каждому, однако только автора «Руслана и Людмилы» увековечили в Петербурге, Смоленске, Челябинске, Киеве.

Сегодня не все знают, что широко известные тексты «Жаворонка», «Попутной песни», в которой «веселится и ликует весь народ», принадлежат Кукольнику. Песня была написана к открытию первой железной дороги между Петербургом и Царским Селом (1840). Кстати, паровоз тогда назывался «пароходом», а песня эта вошла в репертуар Фёдора Шаляпина и часто исполнялась. Популярна она и сегодня.

С 1840 по 1845 год Кукольник так много писал, что по этому поводу В.Г. Белинский заметил: «г. Кукольник один пишет в год больше, чем все литераторы наши, вместе взятые» - в этот период он опубликовал пять романов, 26 повестей, пять драм и множество стихотворений. Но вскоре все изменилось. В 1845 году Н.В. Кукольник поступил на службу в канцелярию Военного Министра и тем самым отошёл от литературной работы. Он исколесил (в прямом смысле, ведь железной дороги ещё было) всю европейскую Россию и южный край в частности, жил в Новочеркасске, бывал в Таганроге и, вероятно, понял, что жизнь не укладывается в литературные салоны, театральные триумфы...

Нестор Кукольника поселился в Таганроге в 1857 году, когда молодость прошла, когда, пятидесяти трёх лет от роду, ушли из жизни его близкие друзья - Брюллов и Глинка, когда ужасы Крымской войны как нельзя остро обнаружили человеческую сущность, когда собственное здоровье было подорвано. Вдали от северной столицы в Таганроге он постоянно продвигал нужное и полезное: хлопотал об открытии городской газеты, и в 1859 году стал выходить «Вестник Таганрогского градоначальства»; продвигал идею основать в Таганроге университет.

В 1858 году в Таганроге появились книжный магазин и при нем - первая частная библиотека художника-карикатуриста Константина Дмитриевича Данилова, которого как близкого знакомого Н.В. Кукольника пригласили из Петербурга «для налаживания культурной работы в городе». С помощью Александра Даргомыжского он создаёт в Таганроге музыкальное общество, проводит публичные чтения. В 1865 году Кукольник возглавлял рабочую группу по обоснованию и выбору трассы железной дороги от Харькова к Таганрогу. Торжественное открытие таганрогской ветки состоялось в декабре 1869 года - доживи до этого счастливого момента Кукольник, надо думать, он бы спел свою нестареющую «Попутную песню».

Кукольник ставит перед правительством вопрос об экологической защите Азовского моря, хотя, казалось бы, рыбы в нём тогда изобиловала, металлургического завода тогда ещё и в проекте не было. Экологические вопросы, как никакие другие, теснейшим образом сблизят Кукольника, Щербину, Чехова - здесь они намного опередили свое время.

Так, Н.Ф. Щербина тонко чувствует природу и в своей поэзии проповедует бережное отношение, равноправие общения с ней. И хотя его цикл «Песни о природе» не заметили современники, он получил соответствующую оценку только в наше время.

Раздумьями о природе на много лет опередил своё время Чехов. Настолько опередил, что Доктора Астрова из пьесы «Дядя Ваня» не заметил даже Лев Толстой. Доктор Астров, вероятно, в глазах Толстого оказался чудачком, провинциальным чудачком: «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Человек одарён разумом и творческой силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов всё меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днём земля становится всё беднее и безобразнее».

По мнению М.П. Громова, это и должно было восприниматься как чудачество, не имеющее серьёзного смысла. При жизни Толстого и чертежи ракет Циолковского казались чудачеством, и о глобальном потеплении разговоров не было, и деревья как тростинку железными «руками» не захватывали лесоперерабатывающие устройства. Одним словом, Астров слишком рано нарисовал карту. «Русские леса трещат под топором...». Как не вспомнить пророческое: зачем было Гамлету тревожиться о смертных снах, когда жизнь посещают видения пострашнее? Видения посещают теперь и сейчас, а не век тому назад, когда была создана эта гигантская экстраполяция в будущее, эта карта, которую в те времена ещё не было ни оснований, ни даже смысла рисовать, а в наши - нет сил исправить.

«Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падет, и то жалость берёт, а каково, добрый человек, глядеть, если весь мир идёт прахом? ... И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари - всё ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и своё место знает. И всему этому пропадать надо!» Это говорит старый пастух, герой Чехова из рассказа 1887 года «Свирель», никогда не видевший аэроплана, никогда не слышавший о космических полётах, естественно, ничего не знавший ни о Хиросиме, ни о Чернобыле...

Давайте ещё послушаем доктора Астрова, помня, что наш земляк Антон Павлович Чехов тоже был врачом и садоводом: «Все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро, благодаря вам, на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою».

Сейчас человечество, кажется, знает, что экологическая катастрофа опаснее ядерной войны... Безыдейный писатель Чехов, поэт Щербина, рожденный в приазовской степной глубинке, верноподданный писатель Кукольник знали давно, что природа одна на всех и навсегда, что она матушка, а не крепостная девка...

Только бы поздно не было.